

АНДРЕЙ
СИЛЕНГИНСКИЙ
КОСМОНОП

ДЕЛО
О ЕДИНСТВЕННОМ
ПОДОЗРЕВАЕМОМ

Аннотация

Когда на корабле остаются только двое, один приносит второму чашку кофе, тот делает глоток и умирает от отравления цианидом. Что остается делать детективу в такой ситуации? Только арестовать виновного. Или все же... Руслан Лозовский начинает расследовать дело всерьез, возможно, из чистого упрямства. И истина оказывается гораздо глубже, чем виделось с первого взгляда.

Андрей Силенгинский

ДЕЛО О ЕДИНСТВЕННОМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ (Космокоп — 2)

1

Ужин ожидаемо запаздывал — сегодня дежурил Караклаич. Тор Йоргенсен, не выказывая по этому поводу ни малейших признаков раздражения, со свойственной ему несколько тяжеловесной грацией поднялся с пола и подошел к окну. Искусством сохранять непроницаемое лицо в любых ситуациях Тор настойчиво овладевал с самой юности и к своим тридцати годам достиг в нем совершенства. Природа вовсе не наградила Йоргенсена нордическим темпераментом, но... выражение ледяного спокойствия так шло к имени древнего бога, жестким соломенным волосам и широченным плечам! Йоргенсен полагал — и имел тому множество доказательств — что именно такой набор достоинств делает его особо неотразимым в глазах противоположного пола. Стоит заметить, что темно-русые от природы волосы он аккуратно подкрашивал, а Тором назвал себя сам прямо в день совершеннолетия, без тени сожаления отбросив

данное родителями имя Микаэль. Как недостаточно звучное.

Впрочем, сейчас Тор действительно ничуть не злился. Во-первых, злиться на Караклаича решительно невозможно. Этот почти сорокалетний ребенок, растяпа и балагур, был не просто душой компании — он без преувеличения скреплял воедино их маленький конгломерат. Порой Тор задумывался, что было бы, находишься на месте серба кто-то иной. Пусть более собранный и ответственный, но лишенный чудесного дара вовремя разрядить обстановку, незаметно и естественно увести разговор со скользкой темы или еще каким способом загасить искорки зарождающегося конфликта. Недаром смешанные команды — большая редкость, а их группа существует уже второй год. И недурно существует.

Еще одной причиной, по которой Тор не возражал против небольшой отсрочки начала ужина, был закат. Обвини кто-либо в лицо Тора в сентиментальности, тот в ответ лишь снисходительно скривил бы губы. Но корабль посадил так, что единственное окно кают-компании выходило на запад. Наблюдать закаты и рассветы на разных планетах ему определенно нравилось. Не изучать и анализировать, не классифицировать в зависимости от состава атмосферы и спектрального класса светила, а просто смотреть.

О чем может думать участник геолого-разведывательной группы, глядя на пустынный пейзаж незнакомой планеты? Прагматик попытается представить, насколько богатыми окажется ее недра, оценивая потенциальную выгоду, романтику, возможно, пригрезятся остатки древней цивилизации. Что, между прочим, принесет выгоду, которая прагматику и не снилась... У Тора получалось не думать ни о чем. Человек, близкий к восточной философии, мог бы назвать это медитацией. Но сам Йоргенсен был далек как от Востока, так и от философии, а потому просто отдыхал душой.

Пейзаж за окном был уныл, что ничуть не портило Тору удовольствие. К тому же унылость эта была благородной, почти царственной. Широкая серая равнина, выбранная для посадки, из окна казалась гладкой, как полированная поверхность стола. А дальше были горы — такие же серые, мрачные и задумчивые. Чем-то они напоминали Альпы, в которых Йоргенсен любил проводить свои отпуска, только снежные шапки отсутствовали. Мертвый безымянный мир, население которого на короткое время увеличилось с нуля до пяти единиц разумной жизни, не располагал такой роскошью как вода — по крайней мере, в сколько-нибудь значимом количестве.

Красный кругляш местного солнца уже

коснулся нижним краем горных вершин, и черные тени исполинов стремительно росли, накрывая собой все большую часть равнины и будто бы пожирая свет, — темнело буквально на глазах. В необитаемых мирах, где атмосфера не облагорожена смогом, промышленной пылью и прочими достижениями цивилизации, сумерки очень коротки.

Тор попытался загадать желание: если он успеет досмотреть закат до конца, то... то... Что будет тогда, он так и не успел придумать. Два события произошли одновременно — в узком промежутке между двумя горами-близнецами мелькнул последний луч солнца и в каюту ввалился Караклаич, толкая перед собой сервировочный столик. Внутренне усмехнувшись, Тор решил слукавить сам с собой — что бы он ни задумывал, это непременно сбудется.

Караклаич решал чрезвычайно сложную задачу: пытался одновременно одной рукой подталкивать столик к центру кают-компания, второй прикрывать за собой дверь, а третью прижимать к груди, изображая сердечное раскаяние. Так как рук ощутимо не хватало, дело продвигалось плохо, и итогом едва не стал перевернутый столик. Янши успела подхватить его в самый последний момент, не дав яствам соорудить на полу кучу-малу. Теперь Караклаич

считал себя обязанным еще и рассыпаться в благодарностях...

Наконец, он был обезврежен, успокоен и усажен на пол между Ханасом и Чиммеулом — в максимальном отдалении от столика. Справедливости ради стоит отметить, что Караклаич не всегда бывал так неуклюж, эта болезнь в полной мере проявлялась только в моменты душевного волнения. А сейчас он как раз считал себя виноватым...

Все дело в том, что серб, будучи по натуре человеком податливым и даже мягким, изредка мог по тому или иному вопросу занять принципиально непримиримую позицию и мужественно оборонять ее от коллег, логики и здравого смысла. Так как чаще всего вопросы эти бывали пустяковыми, никаких серьезных неудобств данная черта характера остальным членам группы не доставляла. Так, по мелочи... Например, Караклаич решительнейшим образом оспаривал право автоповара монополизировать приготовление пищи. Бездушная машина, по его словам, способна породить лишь примитивный наполнитель для желудка, но никак не Блюдо, достойное разумных существ. Разумеется, кардинальное расхождение выдвинутого тезиса с фактами не могло остановить борца за идею.

Караклаич старался. Получалось плохо, и это

заставляло его стараться еще сильнее. Порой он начинал готовить ужин сразу по завершению обеда (после непродолжительной борьбы коллектив оставил ему для кулинарных экспериментов только вечернюю трапезу) — и все равно не поспевал вовремя. Запершись на камбузе, он вступал в сражение с продуктами и кухонной утварью и в двух случаях из трех эту битву проигрывал. Если же судьба благоволила к сербу (а также остальным членам группы), он с гордым видом подавал то, что автоповар изготовил бы за полчаса.

Пожалуй, сегодня был счастливый день. По крайней мере, аромат по кают-компанию распространился вполне благопристойный и даже дразнящий, щекочущий ноздри тонкими нотками специй. Так считал Йоргенсен, за шаачанцев он не мог бы поручиться — кто разберет этих оранжевых...

Конечно, в полной мере оранжевокожими жители Шаачана не были. Так, легкий оттенок, скорее, намек на присутствие апельсинового цвета в серости жесткой морщинистой кожи. Примерно с такими же основаниями на Земле азиатов называют желтыми, а американских индейцев — краснокожими. Но Тор окрестил трех своих коллег оранжевыми; как выяснилось, их это ничуть не задевает. В конце концов, он же не называл шаачанцев ящерицами. Даже мысленно не называл.

Это было бы явным проявлением махровой ксенофобии. Хотя, если рассуждать абстрактно... Похожи, черт возьми. Даже сразу не скажешь чем, но похожи. Шаачанцы были теплокровными и, насколько помнил Тор, живородящими. И хвост в минуты опасности они сбрасывать не умели, по причине полного отсутствия хвоста как такового. В мордах... то есть, в лицах было что-то еле уловимое, но без карикатурного сходства с земными рептилиями. А вот движения... Двигались оранжевые как ящерицы. Переходя от ленивой медлительности к порывистой резкости с неуловимой внезапностью. Шаачанцы, казалось, не умели двигаться в среднем темпе. Или слишком медленно, или слишком быстро. Наблюдая за ними в спокойной обстановке, можно было сделать вывод о заметно заторможенном ритме жизни. Но Тор, справедливо гордящийся своей реакцией, ни за что не стал бы соревноваться в этом компоненте ни с одним из оранжевых. Это было бы столь же нелепо, как пытаться потолкаться с носорогом.

И все-таки Тор вслух ни в коем случае не стал бы сравнивать разумных с примитивными представителями земной фауны. Хотя, возможно, шаачанцы и к этому отнеслись бы спокойно. Оранжевые так оранжевые, ящерицы так ящерицы. Однако были некоторые вещи, вроде бы совершенно безобидные, которые их задевали...

Между прочим, эта медаль имела и обратную сторону. Шаачанцы отнюдь не всегда являлись образцами тактичности и корректности с точки зрения землянина. Особенно Ханас...

Ели прямо на полу — по обычаям Шаачана, но земными столовыми приборами. Подобная практика взаимных уступок и крохотных шажков в чужую культуру пронизывала все области жизни группы. Внедрялась она вполне естественным путем, без переговоров и подписания различных пактов. Янши, например — единственная женщина группы — была одета во вполне земное, черное с белым, платье до колен. Смотрелось оно на гибком, но узловатом и мускулистом теле донельзя нелепо, однако Тор с легкостью сдержал улыбку, а успокоившийся и прекративший извиняться Караклаич даже сумел сделать комплимент. Шаачанка в ответ на секунду прикрыла глаза полупрозрачной пленкой, что означало легкую форму благодарности.

Йоргенсен на миг задумался, могло ли ему прийти на ум одеться так, как обычно одевались Ханас и Чиммеул — беспорядочно (на взгляд землянина) обмотать все тело от шеи до колен длиннющей полоской ткани? И вот от этой мысли Тор едва не прыснул.

Он развалился на боку, подобно древнеримским патрициям. Ему уже давно стало

нравиться принимать пищу в таком положении. Караклаич сидел, скрестив ноги перед собой. Шаачанцы как обычно приняли позы, жутко неудобные с точки зрения землян — лежа на животе и подняв верхнюю часть торса вертикально.

Какое-то время ели молча. Порции состояли из внушительного куска жареного мяса и буквально ложечки картофельного пюре. Это тоже представляло собой определенный компромисс. Шаачанцы были хищниками... Эту мысль Тор даже про себя произнес тихо-тихо, словно бы опасливо оглядываясь. Он знал, что разделение разумных по признаку способа питания тоже крайне неполиткорректно. Лучше сказать, что в своем рационе они отдают предпочтение мясным блюдам. Очень, очень явное предпочтение. Сейчас, после года совместных полетов с землянами, шаачанцы научились есть овощи. Но совсем чуть-чуть и только не зеленого цвета! Этот психологический барьер они переступить не смогли или не желали. Питаться травой унижительно и все тут. Йоргенсен и Караклаич пошли коллегам навстречу, ограничившись во время экспедиций продуктами не табуированного окраса. Их ведь, в конце концов, совсем не мало. Зато, вернувшись домой, оба изумляли близких страстной любовью к огурцам, спарже, стручковой фасоли, папоротнику, зеленому горошку и всевозможной зелени...

— Механик Тор, вам ведь нравится мясо?

Йоргенсен сделал еще несколько неспешных жевательных движений, прежде чем среагировать на вопрос Чиммеула. Слишком уж неожиданно он звучал. Во-первых, странным образом перекликался с мыслями самого Тора, во-вторых... шаачанцы чертовски эгоистичны — так, по крайней мере, всегда считал Йоргенсен. Их не интересует что думают, чувствуют или ощущают земляне, за исключением тех случаев, когда это каким-либо образом может касаться работы.

— Да, геолог Чиммеул, мне нравится мясо.

Йоргенсен не хотел передразнивать шаачанца, это вышло как-то само собой. Тот редкий случай, когда слова (в комплекте с эмоциями) слетели с языка раньше, чем Йоргенсен успел нацепить привычную маску равнодушного и хладнокровного скандинавского бога...

Впрочем, едва ли Чиммеул услышал что-то кроме утвердительного ответа на свой вопрос. А Тор быстро собрался. Вот он уже само воплощенное спокойствие, без улыбки, но вполне доброжелательно взирает на собеседника. Тем более к Чиммеулу Йоргенсен не то чтобы симпатизировал, но все же считал его наименее неприятным из Чужих. За профессиональные качества — специалистом тот был от Бога, состав образцов определял мгновенно, чуть ли не на запах,

и в земной аппаратуре разобрался быстро, словно всю жизнь только на ней и работал. Не то, что Ханас — тот на геолого-разведывательные автоматы смотрит как на атрибут шаманства, вроде бы и использует, но... иногда складывается впечатление, что с обычной киркой производительность труда геолога группы была бы точно такой же.

— Механик Тор, — не унимается Чиммеул, — верно ли мое наблюдение, что мясо есть наиболее любимый из употребляемых вами продуктов?

Йоргенсен поморщился — конечно, только мысленно. Если достаточно долго разговаривать с шаачанцами, непременно заболит голова...

— Да, — он пожал плечами. Конечно, какой мужчина не любит мясо?

Чиммеул повернулся к Ханасу, и Тор в который уже раз отметил странную смесь грациозности и неказистости движений шаачанцев. Короткие шеи их были крайне малоподвижны, оттого поворачивать приходилось не голову, а весь корпус. Но поворот этот выглядел очень и очень плавным, тело Чужого словно медленно перетекало из одного положения в другое.

— Коллега Ханас, вот видите! Это еще один аргумент в нашем споре в мою пользу!

Геолога, казалось, в значительно большей степени интересовало методичное уничтожение

остатков мяса в своей тарелке, чем застольная беседа, обращение к своей персоне и пресловутый спор, предмет которого оставался для Тора неизвестным.

Лишь проглотив последний кусочек, когда, вероятно, все уже считали, что разговор прекратился, едва начавшись, Ханас фыркнул.

— Аргумент, ха! Коллега Чиммеул, вам не стоило вступать со мной в спор, если вы собираетесь опираться на подобные аргументы.

Все понятно...

В экспедициях, которые порой бывают довольно продолжительными, каждый стремится так или иначе занять свободное время. Йоргенсен втиснул в свою крошечную каюту универсальный силовой тренажер и ежедневно в течение двух часов работал над своим телом, справедливо полагая, что совершенству нет предела.

Караклаич читал. Едва ли не каждую минуту, не занятую работой или производством кулинарных шедевров, он посвящал исторической литературе. Вот и сейчас ридер выглядывал из нагрудного кармана серба, дожидаясь окончания ужина. Йоргенсена это забавляло. Нет, ну ладно бы что-нибудь развлекательное... Или наоборот — читал бы Караклаич книжки по геологии, это нормально, Тор и сам нет-нет, да и заглядывал в технические справочники и руководства по

эксплуатации двигателей. Но история... Никто все равно точно не знает, как оно было на самом деле. Один историк скажет, что так, другой — что эдак. И оба при этом доктора наук, оба за эти свои изыскания бабки гребут.

Чем занимала свой досуг Янши, Йоргенсен понятия не имел. Да и никогда об этом не задумывался. Самый бесполезный участник группы интересовал его в наименьшей степени.

А Чиммеул и Ханас спорили. Тор не знал, было ли это их постоянным хобби, или спорили они только во время экспедиций, но редкий день проходил без какого-нибудь нового пари. Предметом могло стать что угодно — от перспективности новой планеты в плане получения прибыли, до цвета платья Янши. Ставкой в споре была рюмка виски. Что Тор считал полным идиотизмом — ну, спорили бы на пятерку или десятку, мелочь, а все-таки какой-никакой стимул. Нет, проигравший всего-навсего подносил победителю порцию алкоголя из запасов корабля, которыми каждый и так мог пользоваться как угодно. В разумных пределах, разумеется. Нелепые существа эти оранжевые... Чаще всего слушать их было скучно. Но сейчас Тор заинтересовался.

— О чем спорите? — спросил он, обращаясь скорее к Чиммеулу.

Но ответил Ханас.

— Об оценке земель по шкале Асошеру.

— Что?! — удивление с оттенком возмущения Йоргенсену удалось скрыть лишь отчасти.

Возможно, эти эмоции не остались незамеченными для Янши. А может, ей просто надоело молчать. Так или иначе, она решила принять участие в разговоре.

— Нет повода для обиды, механик Тор, — Янши оскалила мелкие треугольные зубы в улыбке. — Шкала Асошера не измеряет интеллектуальный или культурный уровень разумных. Она лишь оценивает их близость к шаачанцам по целому комплексу критериев.

— Любопытно, любопытно! — в разговор включился Караклаич, торопливо дожевывая. — Об этом комплексе тоже интересно было бы побеседовать, но меня больше занимает область применения шкалы... как там? шкалы Асошеру.

Теперь Чиммеул повернулся к Караклаичу.

— Область применения, коллега Мило? Боюсь, я не совсем понимаю...

И кто их разберет, этих оранжевых, действительно недостаточно хорошо лингвой владеет, или зачем-то притворяется. Нельзя сказать, что физиономии шаачанцев представляли собой застывшие маски — нет, напротив, они меняли выражения достаточно живо. Просто Тор не всегда умел их интерпретировать.

Но Караклаич, похоже, такими вопросами себя не утруждал, он просто пояснил:

— Я имею в виду цели, которые преследует эта шкала. Проще говоря, для чего она вообще нужна?

Вопрос естественный. Для любого землянина сама идея ранжирования разумных должна казаться абсурдной. Само собой, никто не впадает в умильную наивность, полагая всех одинаковыми. Иначе не ходили бы среди людей анекдоты про неумеренное самомнение тжеров или, чего уж там, туповатость дродгов. Но подводить под различные качества количественный критерий, выстраивать из разумных эдакую лесенку... Было в этом что-то кощунственное.

Однако Чиммеул отвечал без тени смущения. Или Тор просто ничего не замечал?

— Теперь понял, коллега Мило! Спасибо за разъяснения. Цель мне кажется вполне очевидной — кроме нас во Вселенной живут еще несколько разумных рас и, хотим мы того или нет, нам приходится с ними контактировать. Добровольная самоизоляция не лучший выход. Шкала Асошеру, если говорить в первом приближении, определяет допустимую степень близости контакта с той или иной расой.

Йоргенсен попытался разобраться, есть ли в словах шаачанца что-то обидное. Но, сколько ни

прислушивался к своим ощущениям, к однозначному выводу пока не пришел. А Караклаич продолжал любопытствовать:

— Но ведь с нами вы знакомы достаточно давно. Как же так получилось, что вы раньше не оценивали землян по своей шкале.

Ханас фыркнул. Вполне по-человечески, надо сказать.

— Не оценивали! Да мы бы и близко к вам не подошли, если бы не ознакомились с оценкой. Просто сейчас коллега Чиммеул почему-то решил, что ее стоит пересмотреть...

— Да! — Чиммеул оскалился. В улыбке или гримасе — этого Тор не очень разобрал. — Да! Именно год совместных полетов дал мне повод утверждать, что оценка несколько занижена. Ты ведь не можешь отрицать, коллега Ханас, что контактируем мы вполне успешно?

Ханас выдвинул нижнюю челюсть чуть вперед. Мина получилась довольно-таки презрительной.

— Успешно, не спору. Но я вижу тут исключительно нашу заслугу. Дело вовсе не в какой-то значительной близости землян к шаачанцам, а в наших личных качествах. Я, ты, инвестор Янши обладаем достаточной гибкостью, терпимостью и уравновешенным характером. В противном случае у тебя не было бы повода

городить чушь о заниженной оценке.

На этот раз сомнений у Тора не было — Ханас явно зарывался. Терпимостью, скажите, пожалуйста!.. Разлиться как следует раздражению помешал Караклаич.

— А что, наши гастрономические пристрастия тоже входят в формулу?

Ханас снова фыркнул, а Чиммеул повернулся к Караклаичу.

— Напрямую — нет, разумеется. Но ваша любовь к мясной пище может скорректировать один из коэффициентов...

— Не может! — перебил Ханас. — А если и может, то в противоположную сторону. Они, — он длинным узловатым пальцем указал сначала на Йоргенсена, затем на Караклаича, — травоядные!

Едва ли слово «травоядное» может быть ругательством с точки зрения человека. Но с точки зрения шаачанца это ругательство несомненное, тут без вариантов. Усилием воли Йоргенсен попытался погасить закипающую злобу, но понял, что не справляется. Потому, что не хочет справляться.

Внезапно засмеялся Караклаич. Не просто засмеялся, захохотал, запрокидывая голову и едва не перевернув стакан с соком.

— Что с тобой, Драгомил? — спросил Йоргенсен. Он был горд, что в отличие от шаачанцев был в состоянии выговорить это

сербское имя.

Караклаич ответил не сразу, несколько секунд еще хохотал, потом вытирал со щек слезы.

— Простите, — сказал он смущенно. — Просто коллега Ханас вдруг напомнил мне одного героя старого анекдота. Которого просят вернуть долг, а он отвечает: «Во-первых, я у тебя ничего не брал, а во-вторых, вернул еще на прошлой неделе».

Анекдот не показался Тору достойным столь бурной реакции, разве только понравилось, что отнес его Караклаич на счет Ханаса. Злость... не что, чтобы исчезла, но по крайней мере перестала рваться наружу. Йоргенсен позволил себе слегка растянуть губы в улыбке. Шаачанцы также отметили анекдот — Ханас и Янши улыбками, а Чиммеул даже немного посмеялся. Чувство юмора — пусть порой не вполне совпадающее с человеческим — у оранжевых присутствовало. И это было хорошо, иначе совместные экспедиции превратились бы в задачи почти невыполнимые.

— Спасибо, геолог Мило, — сказала Янши. — Мясо очень вкусное. Давайте обговорим планы на завтра. Механик Тор, завтра ведь ваша очередь дежурить?

Дежурить Тор любил. Нет, не из склонности к кухонно-хозяйственной деятельности, Боже упаси. По отношению к готовке Йоргенсен был полной противоположностью Караклаича, относясь к процессу с крайней степенью небрежности, никак не проявляя творческого начала даже в вопросе разнообразия меню. Иногда складывалось впечатление, что он нажимал те кнопки автоповара, до которых проще было дотянуться.

Дежурства Йоргенсену нравились тем, что освобождали от необходимости участвовать в разведывательных выходах. Эти выходы Йоргенсена угнетали. Обвинения в лени были бы несостоятельными, ему просто не нравилось заниматься не своим делом, чувствовать себя неквалифицированным подмастерьем. Подай то, принеси это, поддержи вот тут... Тор прекрасно понимал, что с такой работой прекрасно справился бы не самый сложный андроид. Но андроиды — лишний груз на небольшом корабле. А пилот-механик — груз нелишний. Поэтому, летишь в составе геолого-разведывательной группы — будь геологом. Хоть чуть-чуть.

Так что проснулся сегодня Тор в неплохом расположении духа и завтрак готовил, насвистывая какую-то веселую мелодию. Когда никто не видит,

можно ненадолго и выйти из образа. Яичница с ветчиной — отлично, этот вариант вполне устраивал и землян, и шаачанцев. Конечно, было бы здорово украсить солнечно-золотистые кругляши желтков вкраплениями зеленого лучка... Тор проглотил слюну. Ничего, и так сойдет. Но настроение самую малость подпортилось.

Завтрак проходил по большому счету молча, если не считать редких реплик, обычных за столом. Янши молчала по привычке, она вообще была самым неразговорчивым участником группы. Караклаич, судя по всему, как следует не проснулся, поминутно зевал и, заглотив первую чашку кофе чуть ли не залпом, медленно прихлебывал из второй. Его тарелка оставалась практически не тронутой. Ханас и Чиммеул не начинали нового спора и не продолжали вчерашнего. Они пили своеобразный шаачанский аналог кофе — тошнотворный с точки зрения землянина сладко-соленый напиток онам. А сам Тор, забыв на время о зеленом луке, теперь мечтал о салате из свежих огурцов.

Лишь ближе к концу трапезы, когда тарелки опустели у всех, кроме Караклаича, зашел разговор о дневной работе. И тут Йоргенсена поджидал не очень приятный сюрприз. Ханас решил тоже остаться «дома». Ему, видите ли, совершенно необходимо произвести сортировку образцов. А

Чиммеул, Караклаич и Янши в сегодняшнем выходе вполне смогут обойтись без него. Чиммеул поддержал, Караклаич не спорил, а Янши в подобных вопросах по большому счету своего мнения не имела. Ее, в отличие от Йоргенсена, роль принеси-подай, казалось, всецело устраивала. Она вообще не обладала ни одной сколько-нибудь полезной для экспедиции специальностью. Зато у Янши были деньги — стартовый капитал на покупку этого самого корабля и всего необходимого оборудования, что автоматически давало ей все права на полноценные двадцать процентов прибыли.

Йоргенсен не то, чтобы расстроился, но не смог избавиться от некоторого раздражения. Он-то рассчитывал, что весь корабль на полноценные полдня будет в его безраздельном распоряжении. Покидать посуду в мойку, через несколько минут вынуть и расставить по местам — и вот тебе как минимум три часа свободного времени. Часок можно поваляться на кровати — Тор ничего не имел против такого примитивного отдыха, а после трапезы он особенно приятен. И как раз останется время как следует попотеть потом. Сегодня Тор собирался поработать над дельтами, и еще с вечера составил программу тренировки...

В принципе, Ханас, разумеется, никоим образом этих планов разрушить не должен. Ну,

засядет в лаборатории, пожалуйста, жалко, что ли. Но все равно, пропадет ощущение полной свободы, корабль не будет всецело принадлежать Тору. Кроме того, Йоргенсен любил на тренировке включать музыку на полную громкость. А звуконепроницаемостью внутренних перегородок проектировщики корабля не озаботились. Придется надевать наушники...

Янши осилила полчашки сладкого кофе — она пыталась полюбить утренний напиток землян, но получалось пока не очень. В задумчивости посмотрела на кувшин с онамом, даже сделала движение рукой в его сторону. Однако остановилась, решив быть за завтраком стопроцентным землянином.

— Ваш кофе очень хорошо бодрит, — сказала она. — Вот если бы куда-нибудь убрать его горький вкус...

Караклаич, как обычно, с удовольствием поддержал разговор.

— Убрав горечь, вы убьете кофе, дорогая. — Йоргенсен ничем бы не решился обратиться к шаачанцам иначе, нежели используя стандартное сочетание профессии и имени. Серб же был порой абсолютно свободен в своем общении. — У нас на Земле предпринято множество попыток извратить вкус кофе. Все они априори обречены на неудачу. Если вы пожелаете прислушаться к моему совету,

перестаньте портить кофе сахаром. Попробуйте полюбить оригинальный вкус.

Янши оскалилась.

— Благодарю, геолог Мило. Хотя это было год назад, я помню, как в первый и последний раз сделала глоток кофе без сахара. Признаюсь, я тогда всерьез усомнилась в разумности вашей расы. Как может горькое быть вкусным?

Караклаич развел руками.

— О вкусах не спорят...

— Почему? — удивленно спросила Янши.

Караклаич растерялся, но только на один миг. Собравшись с мыслями, он уже готов был с жаром отстаивать справедливость древней мудрости, но был остановлен Чиммеулом.

— Коллеги, коллеги! — он уже принял вертикальное положение и теперь смотрел на всех сверху вниз. — Я предлагаю вам развить эту занимательную дискуссию за обедом. Сейчас мне лично не терпится поработать. Надеюсь, вам тоже.

Караклаич встал, стряхнул с колен несуществующую пыль и широко, хотя и беззвучно зевнул.

— Работа не волк, в лес не убежит, — изрек он, чем поверг в легкий ступор не только шаачанцев, но и Йоргенсена.

Корабль геологов не может быть слишком

большим. Это все-таки не прогулочная яхта для прожигателей жизни, с ее расточительно-просторными номерами (назвать их каютами язык не поворачивается), четырехметровыми потолками, салонами, бальными залами и прочим, что можно назвать либо милыми излишествами, либо глупыми понтами — во многом это зависит от того, можете ли вы себе это позволить. Простая формула определения прибыли: доход минус расход диктует необходимость уменьшения расхода любыми путями, кроме тех, которые могут уменьшить доход. А большие габариты — это не только лишняя масса. Это затруднение маневрирования в гиперканале, что требует наличия экипажа, состоящего больше чем из одного человека. Нет, корабль геологов не может быть слишком большим.

Но корабль геологов не может быть и слишком маленьким. Это все-таки не тюрьма, а геологи — не заключенные, которых позволительно складывать едва ли не штабелями. Время пребывания на разведываемой планете иногда достигает нескольких недель, и обеспечение более или менее комфортных условий жизни никак не получается отнести к роскоши. Это необходимость, которую осознает даже самый жадный из работодателей. А когда ты работаешь на себя, ты, собственно, самым жадным работодателями

являешься... Поэтому каждому участнику группы отводилась отдельная — пусть крошечная — каюта, имелся и камбуз с автоповаром, а не просто склад готовых пищевых рационов. Это на втором этаже. А на первом — все, что необходимо для работы. От лаборатории до мини-ангара с двумя компактными двухместными мобилями.

На один из этих мобилей Чиммеул положил свою четырехпалую ладонь.

— Коллеги, как распределим наши силы в условиях изменившихся обстоятельств?

Караклаич пожал плечами.

— Полагаю, вариантов у нас не так уж много...

— Почему, коллега Мило? — живо спросил Чиммеул.

Серб слегка замялся.

— Ну... я так полагаю, что два — это немного, разве нет? Либо уважаемая инвестор Янши едет с вами, либо доставит радость от своего общества мне. — Свои слова он сопроводил галантным поклоном в сторону шаачанки. — Я в любом случае хотел бы продолжить свою работу на седьмой точке.

Янши ответила ничего не значащим взглядом.

— Выбирайте. Я положусь на ваше решение. Вы — специалисты.

Чиммеул быстрым, почти неуловимым для

глаз движением облизал длинным языком тонкие губы. Караклаич знал, что сие означает задумчивость. Он порой ловил себя на том, что и сам в моменты принятия решений повторяет эти нехарактерные для людей действия.

— Коллега Мило, вы так низко цените способности инвестора Янши, что приравниваете ее к какому-нибудь инструменту?

Слова звучали вызывающе, но Чиммеул сопровождал их улыбкой, обозначая не желание поссориться, а всего лишь легкую пикировку.

— Но ведь он по сути прав, геолог Чиммеул, — Янши развела руками — жест, позаимствованный у людей. — Я не в обиде, если вы не откажетесь считать меня самым ценным инструментом.

Караклаич в очередной раз заметил, что Янши была наиболее очеловеченной, если можно так выразиться, из всех троих шаачанцев. Любопытно, откуда она набралась женского кокетства, ведь представителей прекрасного пола среди землян в их группе не было. Или кокетство — межрасовый гендерный признак?..

— Если отбросить шутки и комплименты, — сказал он серьезно, — то инвестор Янши, без сомнения, оказывает неоценимую помощь. Но готовы ли вы, коллега Чиммеул, поручить ей самостоятельную работу?

Шаачанец снова облизнулся. Потратил на раздумья несколько секунд.

— А вы знаете, коллега Мило, пожалуй, готов. Если вы не будете возражать, инвестор Янши могла бы сама, без нашей помощи снять измерения для градиент-карты на точке одиннадцать.

Караклаич склонил голову чуть набок.

— Вы справитесь, инвестор Янши?

Та ответила почти не раздумывая:

— Если геолог Чиммеул говорит, что я справлюсь, значит, я справлюсь.

Караклаич поаплодировал, шаачанцы знали, что означает этот жест.

— Bravo, дорогая, bravo! Вот истинное торжество логики. Сжато, лаконично и убедительно.

Янши с равнодушным видом позволила сербу поцеловать ей узкое запястье.

Следующие несколько минут прошли в исключительно рабочей обстановке. Чиммеул настроил один из приборов и проинструктировал Янши. Что там говорить, с задачей справился бы и ребенок. Встать у входа в пещеру, нажать на кнопку. Пройти вперед до звукового сигнала, снова нажать на кнопку. Пройти вперед... В случае, если и этот простейший алгоритм даст сбой, выйти на связь для получения дополнительных консультаций.

Чиммеул же с Караклаичем вдвоем набросятся на жирную точку семь, которая уже дала многое и обещала дать еще больше.

* * *

Тор рухнул на свою койку лицом вниз, едва не своротив плечом рукоятку тренажера. Он чувствовал себя усталым. Опустошенным. Разумеется, не манипуляции с посудой лишили его сил. Йоргенсен как-то вдруг, в один миг понял, что устал от экспедиции. Надоело. Надоело! На-до-е-ло! Хватит. Вернуться на Землю — и уволиться. Специальность у него востребованная, квалификация высокая, без работы не останется. Можно и к другим разведчикам наняться... только чтоб в группе Чужих не было.

Йоргенсен на секунду насторожился, прислушался к себе. Ксенофобия? Да черт с ней, пусть даже и ксенофобия! Наедине с самим собой надо быть честным: Тор не хочет больше работать с Чужими. Вчера закипел, потом вроде успокоился — спасибо Караклаичу — и утром забыл о почти возникшем конфликте. Но после завтрака эмоции нахлынули с новой силой. Не последнюю роль в этом сыграло и решение Ханаса остаться на корабле. Сидит сейчас там в лаборатории...

Перед глазами Йоргенсена снова и снова

всплывало лицо Ханаса: «Они травоядные!»... «Они травоядные!»... «Они травоядные!». Наглая, высокомерная рожа. Усилием воли Тор все же напомнил себе, что высокомерие он себе додумывает — так тонко разбираться в физиогномике шаачанцев ему не дано. Но слова, слова...

Звякнул коммуникатор. Тор бросил взгляд на экран и пробурчал себе под нос что-то вроде «помяни нечистого...». Но привычную маску спокойной доброжелательности, подумав, все-таки нацепил, прежде чем принять вызов.

— Слушаю, геолог Ханас.

Встать Тор не стал, лишь повернулся на бок и приподнялся на локте, отодвинув голограмму в угол каюты.

Ханас растянул губы в улыбке.

— Механик Тор, у меня к вам немного неожиданная просьба.

— Я заинтригован, геолог Ханас, — сказал Йоргенсен ровным тоном.

— Видите ли, механик Тор, я плохо спал этой ночью. И сейчас работа совершенно не идет. Мне нужно взбодриться, а коллега Мило за завтраком так убедительно описывал достоинства кофе...

— Вы хотите кофе?

Тор все же не смог скрыть удивления. Ни Ханас, ни Чиммеул в отличие от Янши так ни разу

не соизволили даже пригубить традиционный утренний напиток землян. Оба были верными приверженцами онама, а сам запах кофе им решительно не нравился. С удовольствием они восприняли только земной алкоголь, Тору казалось, что он действовал на оранжевых как-то иначе, нежели на землян — будоражил, возбуждал, но не оказывал тормозящего действия на мозг. По крайней мере, и Чиммеул, и Ханас были не прочь пропустить пару-тройку рюмок даже за работой.

— Да, — шаачанец снова улыбнулся. — Мне кажется, это утро создано для экспериментов. Вас не затруднит приготовить мне чашечку? Дело даже не в том, что вы сегодня дежурите, просто я хотел бы свою первую чашку кофе принять из рук мастера...

— Достаточно, геолог Ханас, — прервал его Тор, помимо воли тоже слегка растянув губы. — Конечно, я сделаю вам кофе.

Он всмотрелся в интерьер за спиной Ханаса.

— Вы будете в лаборатории?

— В лаборатории, — шаачанец зевнул. Зевали оранжевые совсем как люди. — Пытаюсь работать, но...

— Я уже иду.

Йоргенсен отключился, встал, постоял несколько секунд, в задумчивости потирая подбородок. Затем решительно вышел из каюты.

Чиммеул не стеснялся признаться себе, что в многих областях техники земляне заметно обогнали его народ. Его радовала возможность работать на земном оборудовании, наверное, не будет преувеличением сказать, что он его полюбил. За широкий спектр возможностей, функциональность, удобство... И за максимальную бесшумность. Работа геолога штука творческая, как, впрочем, и любая другая работа, если ее выполняет специалист. И приятно, когда тебя не сбивает с мысли рев и грохот. При необходимости (или при желании) можно перекинуться парой слов с коллегой, не подходя вплотную и не напрягая до предела голосовые связки. Чиммеул как раз собирался обратиться к Караклаичу, мурлыкающему что-то себе под нос в десятке шагов, как у того заиграл сигнал вызова на коммуникаторе.

Караклаич сначала попытался было принять вызов, не отвлекаясь от работы, чуть не выронил анализатор грунта, чертыхнулся и положил прибор себе под ноги.

— Да, Тор, — сказал он тем не менее вполне добродушно.

— Ми... Драгомил, — голос Йоргенсена

дрожал и рвался. Это было столь необычно, что Чиммеул оставил работу и подошел поближе к Караклаичу.

Тот тоже подобрался, стал серьезным.

— Что случилось?

Ответ последовал не сразу.

— Драгомил, тут такое... Ханас...

— Тор, прошу тебя, соберись и скажи, что случилось.

— Он умер, — выдохнул Йоргенсен, словно избавляясь от непосильного груза.

3

Йоргенсен встречал у открытого люка. Был он бледен до чрезвычайности, и от маски холодной невозмутимости не осталось и следа. Глаза бегали, а посиневшие губы дрожали.

— Где он? — коротко бросил Чиммеул, выпрыгивая из мобиля.

— В лаборатории, — Йоргенсен сопроводил слова совершенно ненужным нервным жестом. — Он попросил сделать ему кофе...

— Коллега Ханас? — на ходу удивился Чиммеул.

— Ага... Хочу, говорит, попробовать, сон прогнать. Я сделал, принес. Он только пару глотков сделал и...

— Что «и», механик Тор?

— Выгнулся весь, захрипел... И затих. Не дышит.

В лабораторию ввалились все втроем. На такое многолюдное общество довольно тесное помещение рассчитано не было. Пространство у одной стены полностью занимал рабочий стол — широкий, с размещенными на нем, в нем и над ним приборами и инструментами. На столе кроме того стояла пустая кофейная чашка на блюдце, ополовиненная бутылка виски и рюмка. Противоположную стену частично скрывал узкий, разделенный на ячейки шкаф для образцов, сейчас на три четверти пустой. Из двух кресел одно пустовало, а на втором располагался Ханас. Глаза затянуты пленкой, заменяющей шаачанцам веки, рот приоткрыт. Руки беспомощно свисают по бокам кресла.

Стремительным движением Чиммеул переместился к другу. Протянул руку к лицу, положил пальцы прямо на глаза. Смотреть на это было неудобно. Чиммеул оставался неподвижен секунд десять, затем запустил обе руки Ханасу под мышки и снова замер. Спустя еще несколько секунд Чиммеул повернулся к землянам.

— Мертв, — произнес он глухим, словно идущим откуда-то из глубины, голосом. — Он мертв, коллеги.

Йоргенсен обеими руками схватился за голову, запустил дрожащие пальцы в волосы и чуть слышно застонал.

— Может, что-то еще можно сделать? — надтреснутым голосом спросил он.

Караклаич молчал, а Чиммеул после небольшой паузы ответил вопросом:

— Вы говорили, механик Тор, что коллега Ханас сделал всего два глотка кофе?

— Гхм... да, — ответить Йоргенсен смог только прочистив горло.

— Но чашка пуста. — Чиммеул всем корпусом повернулся к столу. — И, насколько я могу видеть, чиста.

На Йоргенсена было жалко смотреть. Он озирался по сторонам, словно желая найти поддержку не то у Караклаича, не то у мертвого Ханаса.

— Я... сполоснул чашку, — чуть слышно выдавил он из себя. — Просто на автомате, понимаете? Но почему... неужели вы думаете, что кофе...

— Я думаю, что коллега Ханас умер, выпив то, что вы ему принесли, механик Тор, — непривычно резко для себя заговорил Чиммеул. — А после этого вы вымыли чашку. Вы спрашивали, что можно сделать? Я отвечу. Сейчас можно и даже нужно вызвать полицию.

— Полицию?! — буквально простонал Йоргенсен.

— Разумеется, — голос Чиммеула слегка смягчился. — Я искренне надеюсь, что все разрешится, и мои подозрения окажутся беспочвенными, механик Тор. Но вы должны понимать их наличие. Коллега Мило, вы со мной согласны?

Чуть помедлив, Караклаич кивнул. Лицо его было сосредоточенным и печальным.

— Это необходимо, Тор. Внезапная смерть при невыясненных обстоятельствах — в таких случаях без полиции не обойтись.

Чиммеул дотянулся до бутылки виски, одним движением налил полную рюмку и тут же выпил. Поставил рюмку на стол, опустил во второе кресло и подпер голову руками.

— Полагаю, связываться с дежурным Интерпола должна инвестор Янши как владелица корабля. Я позвоню ей и подожду здесь, чтобы все объяснить. Вы останетесь или?..

Караклаич мотнул головой.

— Не думаю, что наше присутствие будет обязательным. Пойдем-ка, Тор, по каютам.

Он вывел Йоргенсена из лаборатории, приобняв за талию. Тот двигался будто сомнамбула. Уже в лифте, поднимаясь на второй этаж, Караклаич заглянул механику в глаза:

— Ты ничего мне не хочешь рассказать, Тор?

Йоргенсен долго смотрел сквозь серба, прежде чем вяло мотнуть головой из стороны в сторону. Караклаич вздохнул и подтолкнул его к выходу.

Когда десятью минутами позже Янши вошла в лабораторию, Чиммеул сидел все в той же позе.

— Что тут произошло, геолог Чиммеул? — спросила Янши на родном языке. В отсутствии землян не было смысла мучить себя лингвой, которая речевому аппарату шаачанцев давалась тяжеловато.

Чиммеул дотронулся до плеча мертвого коллеги.

— Как я уже сказал, коллега Ханас мертв. Убит большим мягкокожим.

Янши подошла поближе к креслу Ханаса и какое-то время постояла молча.

— Геолог Ханас все-таки был невежлив вчера за ужином по отношению к мягкокожим.

Чиммеул облизал губы.

— Я тоже так считаю. Но до этого дня они не производили впечатление существ, способных убить за оскорбление.

— До этого дня... — согласилась Янши.

До конца рабочего дня оставалось чуть более получаса, и я, верный своему принципу максимальной интенсификации рабочего процесса, занимался двумя делами одновременно. Пил кофе и скучал по прежней работе.

Кофе я до недавнего времени не любил. Но, получив на медосмотре строгий наказ ограничить потребление этого напитка, начал испытывать к нему неотвратимое влечение. Ежедневно я боролся с собой, стремясь ограничивать, и ежедневно эту борьбу проигрывал. Вот и сейчас передо мной стояла четвертая чашка за день. Я уже подумывал о том, чтобы попросить какого-нибудь другого доктора прописать мне кофе в большой дозировке — уверен, тогда моя любовь к кофе уйдет туда же, откуда пришла. Обычное дело, мы, люди просто так несуразно устроены.

Что же касается тоски по прежнему месту службы, то и тут я не оригинален. Я не знаю человека, который, пусть даже его новая работа абсолютно по всем параметрам лучше предыдущей, порой не вздыхал бы украдкой по оставленному за спиной.

Я с не вполне заслуженной теплотой вспоминал свой заштатный полицейский участок на Земле, обставленный по моде столетней давности

кабинет, оборудованный примерно тех же времен оргтехникой, не обученного тонкому искусству говорить тихо шефа и скучную, однообразную работу.

Ведь участок был в двух шагах от дома, кабинет стал мне родным вместе со своей обстановкой, компьютер признавал только меня, впадая во время моих отпусков в необъяснимые с точки зрения грубого материализма капризы. Шефа по большому счету можно было не принимать всерьез, ибо он, как говорится, лаял, но не кусал. Уж если такой раздолбай как я за пять лет работы не получил ни единого взыскания, Босс вполне мог считаться исключительно мягким руководителем.

Подумать только, я считал свою старую работу излишне бюрократизированной! Я мысленно стряхнул со щеки слезу умиления. Ведь там составление различных отчетов занимало не больше половины моего рабочего времени, и из этих отчетов только семьдесят или восемьдесят процентов были бессмысленными или ненужными.

Сейчас, получив право гордо зваться сержантом Интерпола, я мог о таком только мечтать. Справедливости ради стоит отметить, что ситуация довольно сильно усугублялась моим статусом новичка, а проще говоря салаги.

Я был разочарован.

Конечно, минуло как минимум десяток лет с

той поры, как наивный и романтичный юноша Русик Лозовский засматривался сериалами об «Интерплэнет Полис», представляя себя в сладких грезах то инспектором Голдом, то комиссаром Покровским, а иногда даже шефом Буа Ло Гвиром.

И все-таки... Почтительное, с осязаемым оттенком завистливости отношение к сей организации сохранялось и во время моей работы в отделении полиции на Земле. Пускай даже проявлялось оно по большей части в язвительных шутках и дежурных анекдотах. Избранные, лучшие из лучших, полубоги со всех населенных планет Галактики, супердетективы...

Получив приглашение поступить в академию ИП, я сумел скрыть переполнившие меня чувства за маской равнодушия. Ну, по крайней мере, мне так показалось. Хотя Пал Семенович почему-то посоветовал мне сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не лопнуть от гордости. Но это он от досады, я думаю. Кому приятно терять лучшего сотрудника?

Для начала Босс устроил мне форменный разнос. И это вместо заслуженной похвалы, после гениального, не побоюсь этого слова, расследования жутко запутанного дела на космозаправке. Мне было поставлено в вину а) головотяпство, б) нарушение должностной инструкции, в) превышение полномочий... Были

там еще пункты где-то до середины алфавита, но я уже слушал вполуха. Победителей не судят, это я знал точно, что бы там Босс себе не воображал.

Когда список смертных грехов лейтенанта Лозовского был исчерпан, шеф дал себе передохнуть. Хотя, может быть, повисшая в воздухе пауза в понимании Босса давала мне время осмыслить всю глубину моего падения.

Я скучал, вяло раздумывая, стоит ли изображать на лице раскаяние. Подобные выволочки, возможно, оказывали бы на меня какое-то влияние, не устраивай их шеф с такой регулярностью. Ко всему привыкаешь, знаете ли.

В общем, все было достаточно обыденно, но закончилось совершенно неожиданно. Бросив на меня еще один испепеляющий взгляд заплывших жиром глаз, Пал Семенович каким-то брезгливым движением положил передо мной карточку. Даже глядел он при этом куда-то в сторону.

— Ознакомься, — буркнул шеф.

Я вопросительно посмотрел на него, но никаких устных пояснений не последовало. Я осторожно открыл документ, ожидая там чего угодно, вплоть до приказа о моем переводе регулировщиком улиц. Мне пришлось прочитать текст дважды, прежде чем до меня дошел его смысл. Интерплэнет... Тогда-то я и напустил на себя вид, будто давно ожидал этого признания моих

очевидных заслуг.

Внутренне я, разумеется, ликовал, что там говорить.

Обучение в академии не развеяло ореол элитарности вокруг ИП. Эти полгода немного напоминали университетские занятия — примерно в той же степени, как университетские занятия походили на посещение детского садика. Вместе со мной на курсе обучалось всего восемь человек, и это ставило жирный крест на возможности похалтурить на занятиях или — чем черт не шутит — прогулять лекцию-другую. Вскользь замечу, что и студенты, и преподаватели все как один были землянами, из чего я сделал логичный вывод, что каждая планета имеет собственную академию.

Кроме спецпредметов, в которые входил и углубленный курс изучения Галактического уголовного кодекса, в программе обучения пристальное внимание уделялось анатомии, физиологии и психологии иных рас. Объем информации, которую требовалось ежедневно усваивать, поначалу пугал, но я довольно скоро втянулся и даже стал получать удовольствие от процесса, да и от результатов.

В общем, академия в целом впечатляла. Сама же работа...

Я не страдаю избытком наивности, и потому вовсе не рассчитывал, что мне с первых дней